

Филологические науки
Philological sciences

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. С. Н. Травников
г. Москва, Россия

**«И ШЛИ ГОРАМИ КАМЕННЫМИ И ЯРАМИ ГЛУБОКИМИ,
ТИЛКО НЕБО ДА ЗЕМЛЯ...»: ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ
ПРОСТРАНСТВА В «ПЕЛГРИМАЦИИ» ИППОЛИТА
ВИШЕНСКОГО**

Аннотация: В статье рассматривается проблема традиционного и новаторского в изображении пространства в русской паломнической литературе петровского времени на примере «Хождения в Святую землю» черниговского иеромонаха Ипполита Вишенского. Писатель-традиционалист следует привычным средневековым представлениям о пространстве, которое осознается им как территориально-этническая и религиозная данность. Сохраняя верность иерархической модели мира, характерной для религиозного символизма и барокко, Ипполит Вишенский воспринимает хождение в Святую землю как один из способов познания Бога и нравственного совершенствования личности. В работе показано, как в «Пелgrimации» взаимодействуют два типа пространственных систем: реально-историческая и легендарно-мифологическая, прослежен процесс обмирщения хронотопических описаний, развития научно-географического мышления у паломника, что проявилось, например, в усилении внимания к точным и подробным описаниям топографии посещенных им стран Европы, Азии и Африки. Приметы Нового времени в путевых записках Ипполита Вишенского — резкое расширение географических границ паломнического хождения, развитие мотива сопротивления пространству и поэтизация его преодоления человеком, использование, кроме плоскостной картины мира, объемного, трехмерного изображения; обновление системы измерения пространства.

Ключевые слова: путевая литература петровского времени, паломнические хождения, христианский Восток, религиозный символизм, поэтика барокко, хронотоп, изображение пространства.

Информация об авторе: Сергей Николаевич Травников — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, д. 38, 119034 г. Москва, Россия. E-mail: literatura mglu@mail.ru

Дата поступления статьи: 29.01.2017

Дата публикации: 15.03.2017

«Среди дня на дорогѣ я увидѣл... с нѣба свѣт...
осиявший меня и шедших со мною».
Деяния апостолов 26: 13

Русские паломники Средневековья, посещая святыни христианского Востока, созерцая следы пребывания Бога на земле, вспоминая события библейских времен, стремились к духовному обновлению, нравственному совершенствованию, мечтали через покаяние очиститься от суетных мирских помыслов и прикоснуться к вечно прекрасному, связанному с сакральным миром. Православные подвижники считали, что духовному возрождению способствует «путный подвиг» — долгое, сопряженное с трудностями и опасностями путешествие в Святую землю, в «небесный град» Иерусалим, к Гробу Господню. Ипполит Вишенский, совершивший в 1707–1709 гг. паломничество на христианский Восток, в предисловии к «Пеллигримации» так очертил географические рамки святых мест, которые он хотел посетить во время хождения: «Я, иеромонахъ Ипполитъ, отъ многихъ лѣтъ возжелѣхъ видѣти святая мѣста и градъ святой Иерусалимъ, такожде и Гробу Господню поклонитися, и в горѣ Синайской, и во Антиохии, и в Дамаску и во Афонѣ-горѣ быть, и на прочиихъ святыхъ мѣстехъ труждающагося ногама моими прехождаяхъ» [7, с. 1] .

«Пространство средневекового мира, — по словам известного медиевиста А. Я. Гуревича, — представляет собой замкнутую систему со священными центрами и периферией» [3, с. 82]. Древнерусские паломники двигались от далеких окраин христианского мира к таким религиозным центрам, как Иерусалим, Палестина, Синай, Афон, в результате чего в отечественной путевой литературе возникла тенденция к палестиноцентризму, к созданию литературного мифа о святых местах, поэтому паломнические хождения со временем стали восприниматься как духовный эпос русского народа.

Православные путешественники, отправлявшиеся из России в Землю Обетованную, совершали перемещения в двух измерениях: в реальном пространстве и времени, которое соотносилось с географической картой и календарем, и мифологическом, библейско-евангельском, давно прошедшем времени и пространстве, что изображалось в книгах Священного Писания и житиях раннехристианских святых. Если в литературе хождений русского Средневековья доминировал сакральный тип хронотопа, то в путевых записках Нового времени количество мирских по своему характеру зарисовок современного для путешественников пространства Ближнего Востока резко возросло. Процесс обмирщения хронотопических описаний в памятниках путевой литературы петровского времени протекал с разной степенью интенсивности и во многом зависел от личности паломника, уровня его образования и литературной выучки.

В «Пеллигримации» Ипполита Вишенского главное внимание было уделено артефактам раннехристианского мира, который воспринимался

с позиций «духовного зрения», в то время как реальное пространство осваивалось с помощью «телесных очей», визуального знакомства с окружающим миром, а также посредством описания физиологических ощущений паломника (тяжкие пешие переходы по Палестине, изнурительная жара и безводье Синайской пустыни, холодные ветра на вершине горы Афон, изматывающие шторма в Средиземном море и т.п.). В путевых записках черниговского иеромонаха главным всегда оказывались не события реального хождения, им совершенного, а деяния героев Священной истории, происходившие в тех местах, где паломнику посчастливилось побывать.

Сакральное пространство Святой земли в изображении Ипполита Вишенского предстает как вещественное доказательство истинности изложенного в Ветхом и Новом заветах. Мысль о богоизбранности Иерусалима и его окрестностей доказывается паломником через описания артефактов, связанных с событиями библейской истории, реликвий, свидетельствующих о земном пребывании Иисуса Христа, предметов, принадлежавших первоподвижникам христианской веры. Три эпохи, художественно освоенные автором «Пелгримации», символизируют преемственность сакральной традиции и указывают на вечный характер палестинского хронотопа.

Паломничество по святым местам Ближнего Востока — это изучение Священной истории, освоение связанных с ней хронологии, археологии, географии, топонимики, погружение в мир христианских легенд и преданий. В сознании паломников Средневековья происходило совмещение мифологических и историко-географических понятий, потому что наука о строении Земли и Вселенной в то время была напрямую связана с деяниями персонажей Священного Писания. Ипполит Вишенский, например, не сомневался, что гора Голгофа «есть всей землѣ середина, где Христосъ распять былъ» [7, с. 69]. Черниговский иеромонах, как и его предшественники — древнерусские писатели-паломники, воссоздавая хронотоп Святой земли, фактически передвигался «по духовно-религиозной карте» Иерусалима и Палестины [1, с. 40–55].

В «Пелгримации» Ипполита Вишенского, наряду со Святой землей, постоянно присутствует образ Русской земли. Паломник часто вспоминал о Руси, Москве, Чернигове, Борисоглебском монастыре, сравнивал ближневосточные и русские реки, растительность Синая и Черниговщины, средиземноморские и днепровские средства передвижения по воде [2, с. 75].

Для Ипполита Вишенского характерно географическое мышление. Скорее всего, ученый инок отправился в путь после длительной и тщательной подготовки, имея карту Средиземноморья, ибо он точно указывал на расположение островов Эгейского и Мраморного морей, прекрасно разбирался в запутанной географии Архипелага, давал подробные топографические ориентиры. Когда его корабль выплыл из пролива Дарданеллы, паломник записал: «Изъ лѣвого боку земля Анатолийская, восходная, между Чорнимъ и Бѣлимъ моремъ, земля зѣло велика, пошла ажъ... до Царигорода» [7, с. 23–24]. Автор «Пелгримации» обязательно регистрировал факт пересечения им государственных границ, даже если в этом пункте не было таможенной заставы: «Конецъ землѣ Козацкой и почалася Лядская»; «На правый бокъ земля Волоская, а на лѣвий Татарская, Перекопская, Очаковская» [7, с. 2–3].

В Османской империи черниговский иеромонах именовал города, используя их исторические и современные названия, например: «городъ Триполь, а по-турецку Шамтараболось»; «городъ Тиръ, а по-турску Априй»; «пошли во Йопию, или у Яфу» [7, с. 30-31].

Ипполит Вишенский, неоднократно совершавший плавание «по зыбям и пучинам» Мраморного, Эгейского, Средиземного морей, на себе почувствовал безбрежность и мощь водной стихии. Он опытным путем пришел к тому же выводу, что Козма Индикоплов и его неизвестный популяризатор в трактате «О земном устроении», где утверждалось, что суша со всех сторон окружена водой [6, с. 210]. Ученый монах, много путешествовавший по свету, не сомневался в том, что «акиянь-море... окружает всю землю» [7, с. 55].

Реальный и мифологический миры в «Пелгримации» объединяет личность паломника, находящегося на пограничье религиозного и светского двоемирия. Его главная цель — преодолеть суетное, телесное, преходящее и опозитизировать духовное, святое, вечно прекрасное. Жанровая традиция паломнического хождения ориентировала автора на создание яркого, запоминающегося образа сакрального пространства, и с этой задачей Ипполит Вишенский достойно справился. Главный объект изображения в цикле палестинских очерков — Земля Обетованная, знакомая черниговскому иеромонаху по рассказам Священного Писания (Исход 33: 1, 3; К евреям 11: 9). На протяжении веков территория и границы этой исторической области менялись. В начале XVIII столетия, согласно свидетельству Ипполита Вишенского, она протянулась «отъ Иерусалиму до Авраама села» [7, с. 91]. Авраамово село (ныне город Хеврон) находилось в 20 милях от «вечного города» и считалось житницей Османской империи: оно славилось своими садами, где рос лучший на Ближнем Востоке виноград, воспетый еще в Библии (Числа 13: 24–28). В восприятии паломника это — земной рай. Удивительную красоту и природное богатство «медом и млеком кипящей земли» Палестины он объяснял ее великим христианским прошлым и благословением Божиим.

В литературе Древней Руси существовало два способа изображения пространства — плоскостной, как на старых иконах, и объемный, трехмерный, характерный для искусства Нового времени. Ипполит Вишенский, описывая «путное шествие» по святым местам христианского Востока, использовал оба способа. Двухмерное пространство, т. е. изображение предмета по горизонтали и вертикали, в «Пелгримации» появляется, как правило, в экфрасисах, связанных с сакральными объектами паломничества в Святую землю. На Синае Ипполит Вишенский осматривал огромный камень, которым, по преданию, ангел завалил дорогу Илье Пророку, дабы тот покинул гору Хорив, вернулся в Иерусалим и обличал царя Ахава в нечестивой жизни: «А тот камень и доднесь лежитъ, где аггелъ дорогу завалилъ Илии: тотъ камень вышиною двохъ человекъ, уширь троухъ сажень» [7, с. 51]. В «Пелгримации» встречается промежуточный тип изображения пространства, когда точно указана ширина и высота объекта описания, а объемность картины лишь намечена. Недалеко от Хеврона черниговский иеромонах любовался рощей, где стоит Мамврийский дуб: «Дубъ той исъ

кореня надвое роздѣлился. Турки каменемъ кругомъ оклали, и тое мѣсце барзо в чести великой держать» [7, с. 91].

Объемное, трехмерное изображение пространства, в котором картина мира, говоря языком оптики, обретает «глубину резкости», в паломнической литературе появилось еще в XII в., в «Хождении» игумена Даниила [10, с. 391–514]. У Ипполита Вишенского этот тип пространственных описаний встречается достаточно часто, например, в рассказе о селении Миры Ликийские, в котором когда-то служил проповедник Николай Чудотворец: «Отъ Кикова пошли... и пришли подъ Мирликию-городъ, и шли миль сто. Высокие тамъ горы, же низше горъ ходять облаки, а промежь горъ снѣги не растають... Отъ берегу до церкви Святителя Христова Николая... ходу одна година отъ берега черезъ гору... Тамъ недалеко есть городокъ и монастырь... а где церковь Св. Николая, тамъ село» [7, с. 26–27]. В тексте точно указана точка, с которой повествователь производит обзор местности — это палуба корабля в морской бухте около Мир Ликийских. Описание строится по вертикали: морской залив, где стоит парусное судно, — подошва горы — облака у подножья хребта — не тающие даже летом снежные вершины гор. Глубина пространства подчеркивается изображением тропы, идущей от берега через гору к церкви Святого Николая, до которой «ходу одна година». Панорамность картине придает упоминание о городке, селе и монастыре, расположенных в окрестностях Никольского храма.

Религиозный символизм и барокко, создавшие особую иерархическую модель мира, подразумевали наличие трех взаимосвязанных пространств: небесного, земного и подземного. Определяющую роль в судьбе человека играло первое пространство: он, в зависимости от греховности или праведности жизни, после смерти оказывался либо в горнем мире, либо в преисподней. Сторонник ортодоксального православия, черниговский иеромонах Ипполит Вишенский не сомневался в существовании небесного царства, наглядным доказательством чего считал схождение Божественного огня на Гроб Господень, что самолично наблюдал в иерусалимском Воскресенском соборе в Великую субботу. Здесь в ночь с 23 на 24 апреля 1709 г. он зажег свечу от трикирия иерусалимского патриарха Хрисанфа, вынесшего священное пламя из Кувуклии, где располагался Гроб Господень [7, с. 97–98].

У Ипполита Вишенского не было сомнений и в существовании подземного пространства — ада. Рассказывая о грядущем Страшном Суде, он писал, что геенна огненная, находящаяся под Содомским морем, «всѣхъ грѣшнихъ тамо закрийетъ и потопить, и станеть пекло, и тамо грѣшнии будутъ мучитися вовѣки» [7, с. 84]. Для черниговского иеромонаха, как для писателей-путешественников Древней Руси, Мертвое море являлось символом гнева Всевышнего, уготовившего неизбывную, вечную муку грешникам.

Паломники петровского времени сохранили религиозный аспект восприятия пространства, когда географическое путешествие воспринималось «как перемещение по «карте» религиозно-моральных систем: те или иные страны мыслились как еретические, поганые или святые» [5, с. 212]. Признавая святость Иерусалима, Палестины, Синая в библейско-евангель-

ские времена, Ипполит Вишенский считал, что в современном состоянии христианские центры Ближнего Востока осквернены наличием иноверческих храмов и престолов. По образному выражению товарища Вишенского по странствиям иеромонаха Андрея Игнатъева, «яко свѣтъ во тмѣ, святая соборная апостольская церковь Иерусалимская сияетъ, омраченными и злочестивыми турки одержимая; не благоволи Богъ имъ въконецъ осквернити, да превратятъ во свою всескверную чжамію, или божницу; и они, проклятыя, введоша въ ню разныя ереси: франгамъ, то есть французамъ, и нѣмцамъ дадоша власть имѣти имъ свое ихъ служение на Гробѣ Господнемъ... А надъ южными святыми враты и хоры, даже до запада, отдано армянамъ, тамо они, треклятии, имѣють свое служение» [8, с. 38].

Враждебность инакового пространства, социальные и природные катаклизмы, церковные нестроения требовали от путешественников беспримерного мужества и необыкновенной физической силы, чтобы достичь Святой земли. «Пелгримация» Ипполита Вишенского богата примерами сопротивления пространства: опасные из-за нападений крымских и бурджакских татар дороги Дикого поля, труднопроходимые горные перевалы, разлившися реки Молдавии и Валахии, эпидемия чумы в Болгарии и странах Малой Азии, обстрел из английских пушек корабля с паломниками около Кипра, нападения на путешественников арабов в Палестине. Особенно тяжелым было для паломников «путное шествие» по Синайской пустыне в июне под испепеляющими лучами солнца, когда в жару даже арабы не рисковали покидать своих жилищ. «И пошли своею дорогою, в которой дорожъ не было нѣ травы, нѣ воды, нѣ дерева... А у день нѣлзя ити що далше за горячестю солнца... И шли все верхами верблюдами дванадесять ден, в которомъ пути велми труско было, самъ бы не знать, где подѣлсья, такая нужда была намъ» [7, с. 40, 42], — вспоминал Ипполит Вишенский.

В путевой литературе петровского времени доминируют два типа пространственных систем — реально-историческая и легендарно-мифологическая [9, с. 208–232]. Реально-историческое пространство точно соответствует географической карте, имеет четко очерченные границы, где все объекты (города, реки, шляхи и пр.) привязаны к определенной местности. Ипполит Вишенский проехал по дорогам Украины, Молдавии, Валахии, Болгарии, Турции, Кипра, Египта, Синая, Сирии, Палестины, Афона, описал реально существовавшие селения, крепости, монастыри, рассказал о светских и религиозных достопримечательностях посещенных им государств. Созданная им «Пелгримация» стала ценным источником сведений о географии, истории и культуре Европы, Азии и Африки начала XVIII столетия [4, с. 51].

Легендарно-мифологическое пространство в путевых записках черниговского паломника представлено в многочисленных сказаниях о святых местах, чудотворных иконах, рассказах о первых христианских подвижниках. Мир легенды всегда носит вневременной и надтерриториальный характер, что ярко проявилось в сказании о чудотворном образе Богородицы, заключенном в киоте патриаршего храма в Дамаске. Эту икону «никому невозможно видѣти, замкнуто; когда почнуть отмикати, то заразъ руки покорчить и ослѣпне. Единъ поклонникъ хотѣлъ обачити и взялъ ключъ — и заразъ ему

руки скорчило, и умерь. Потомъ хотѣль досвѣдчити святаѣйшій патриарха Антиохійскій: и соборомъ службу Божию правилъ, и по службѣ со молениемъ положилъ три поклони, и простеръ руку отомкнути — и святѣйшему руки и ноги покорчило, и упалъ на землю» [7, с. 62]. Страстно желая узреть «очима своима грѣшныма» чудотворный образ, черниговскій протосингелъ провел у запретнаго киота четыре службы и попросилъ позволения у патриарха Кирилла V открыть створки иконы, на что получилъ мудрый ответъ: «Дай покой, вышше мѣри не ищи» [7, с. 62].

Древнерусскіе писатели-паломники всегда подчеркивали материальность и неуничтожимость объектов легендарнаго пространства. Склонный к поэтизации мифологическихъ сюжетовъ Ипполитъ Вишенскій, посетивъ в Палестинѣ Ильинскій монастырь, записалъ в «Пелгримации»: «Есть на дорожѣ маслица, где пророкъ Ілія жилъ; подъ тою маслицею у каменѣ есть мѣсце якъ челоуѣку лягти: тамъ воронъ приносилъ пищу пророку Іліи, тамъ ему и аггелъ давалъ пищу, укрѣпляючи его, абы ишолъ на гору Синай... Маслица тая и доднесь стоитъ» [7, с. 88]. Идея вечности предметовъ, связанныхъ съ христіанскою мифологіею, соответствовала религиозно-философскимъ воззреніямъ Средневековья, согласно которымъ сакральныи топонимы неизменены, а находящіеся въ немъ предметы не подвержены тленію. Артефакты легендарно-мифологическаго пространства въ результате контакта съ высшими силами получали возможность исцѣлять людей, совершать чудеса, поэтому, какъ и все паломники, Ипполитъ Вишенскій старался запастись частичками религиозныхъ раритетовъ, служившихъ материальнымъ воплощеніемъ Священной исторіи. На Синаѣ, въ томъ мѣстѣ, где, по преданію, Моисей съ евреями пересекъ Красное море, паломники вырезали себѣ на память посохи изъ финиковыхъ пальмъ [7, с. 41]. По дорогѣ къ Вифлѣему расположено поле, покрытое мелкими камнями, похожими на горохъ. Согласно легендѣ, это поле было проклято Богородицею за грубость ея хозяина и обречено вместо земныхъ плодовъ каждыи годъ рождать камни, которые «поклонники берутъ якъ хорохъ для увѣренія» [7, с. 89]. Современнику Ипполита Вишенскаго московскому священнику Іоанну Лукьянову даже въ константинопольскомъ соборѣ Святой Софіи, превращенномъ турками въ мечеть, удалось съ рискомъ для жизни взять на память «камень ись помосту каменной, мраморной» [11, с. 278].

Путешественники обязательно фиксировали фактъ пересечения границъ суши и моря, государствъ, городовъ, монастырей. На заставѣ требовалось предъявить проезжіе грамоты, пройти процедуру таможеннаго досмотра, оплатить необходимыя пошлины. Наличие документовъ придавало особый статусъ паломнику, помогало безъ осложненій пройти пограничный контроль. На границѣ Молдавіи и Валахіи Ипполитъ Вишенскій предъявилъ капитану сразу три грамоты: рекомендательное письмо черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича, проезжіи листъ, выданныи молдавскимъ господаремъ Михаиломъ Раковицею, верительную грамоту гетмана Івана Мазепы — после чего стражъ государственныхъ рубежей «воздаде» ему «честь великую» и пропустилъ черезъ границу.

Для православныхъ монастырей на Синаѣ и въ Палестинѣ наличие оборонительныхъ сооружений являлось жизненною необходимостью изъ-за не-

прерывных нападений кочевых арабских племен, пытавшихся разграбить обители. В Синайской кинонии в целях безопасности не было въездных ворот, их заменял подъемный механизм в виде ворота, толстого каната и корзины «кодолы», посредством которых люди и грузы попадали в обитель. Черниговский паломник вспоминал: «Синайский монастырь на чотыри угли, кожда стѣна пятьдесятъ сажень, а вкругъ сажень двѣстѣ, муръ увыш 12 сажень, а на кождомъ углѣ келія и посродку келія. В тыхъ келіяхъ на сторожи сидятъ иноци: когда приходятъ арапе и вимишляють, що дати, и хотятъ монастырь разорити, то оны с тихъ келій боронятъ, абы не разорили. Монастырь каменный крѣпокъ... Когда арапъ немашь, и за монастырь ходятъ по горахъ, а если в гнѣве арапе, то нельзя и голови виточити, заразы убьетъ; у низшихъ рядахъ не страшно... хочай и стрилить, то пуля скроз муръ не убьетъ» [7, с. 48–49]. Обитель напоминала осажденную крепость, а монахи — воинов, с крестом в руках и молитвой на устах отбивающих атаки неверных.

Древнерусским путешественникам были привычны сухопутные границы, таможенные и паспортные проверки при их пересечении. Новым для них явлением стали морские границы и мощные пограничные крепости на берегах средиземноморских проливов, на островах около гаваней, в торговых портах. Паломники с удивлением описывали хорошо укрепленные турецкие форты, оснащенные дальнобойной артиллерией, в проливах Босфор и Дарданеллы: «города мощные, завше в поготовости зостають, гармати завше заправленние, войска янчаръ много, и тамъ не пропускають, ажъ пересмотрятъ всего, из чимъ и куди хто идетъ... Тыхъ замковъ чотириохъ нѣкуда минути моремъ, тутъ треба показатися» [7, с. 20–21].

Если границы не связаны с ирреальным миром, они проницаемы. Пересечение рубежей возможно при предъявлении официальных документов, с помощью подкупа стражей, посредством ловкости, хитрости и хладнокровия. Ипполит Вишенский неоднократно с благодарностью вспоминал русского посла в Стамбуле боярина П. А. Толстого, выхлопотавшего для него султанский фирман на право свободного перемещения по Османской империи, в результате чего паломника нигде не задерживали и не заставляли платить «гарач» (налог, взимаемый турками с христиан). Деньги открывали для русских путешественников даже закрытые для осмотра зоны, например мечеть Айя-София, бывший константинопольский Софийский собор, где тайно, дав взятку стражу, побывали Иоанн Лукьянов и Матвей Нечаев. Православных паломников, желавших осмотреть святыне, захваченные мусульманами, не останавливали жесткие запреты. В Хевроне находилась мечеть, построенная на фундаменте древнего храма, в котором, согласно легенде, были похоронены библейские патриархи Авраам, Исаак и Иаков. Ипполит Вишенский не без иронии писал, что вездесущие русские поклонники сумели проникнуть и в эту магометанскую святыню: «Наши, у арапское платье одягшися, ходятъ в середину» [7, с. 91].

Одним из главных жанрообразующих элементов путевых записок был мотив дороги. Все, что видел паломник, принадлежало пространству «путного шествия» в Святую землю и обратно. Хождение как жанр рождается дорогой и поэтизирует дорогу. Торговые и транспортные пути Сред-

невековья экстерриториальны, они проходят через страны и города, моря и горы, связывая отдельные государства в мир, отдельные народы в человечество. Дорога и паломник в жанре хождения представляют собой единое динамическое целое, ибо путешественник немислим без дороги, а дорога не может существовать без путников.

Каждый паломник подвергался испытанию дорогой. Между Святой землей и Россией лежало громадное пространство, по которому проходил полный опасностей, скорбей, лишений и трудов путь. Географически дорога пролегла по странам, городам и селам, горам и пустыням, рекам и морям и в духовном смысле представляла собой путь преодоления человеком мирских соблазнов и грехов, восхождение его души к обретению христианских добродетелей. В литературе хождений дорога от Русской земли к Иерусалиму — один из способов познания Бога, нравственного совершенствования личности. Паломничество воспринималось как духовный подвиг, а совершивший его поклонник обретал черты святого. Этим объясняется название многих памятников путевой литературы — «Житие и хождение...».

Преодоление громадных пространств было невозможно без помощи тягловых и верховых животных, различных средств передвижения. Ипполит Вишенский и его спутники то шли пешком, то ехали на лошадях, мулах, ослах, верблюдах, использовали для передвижения повозки, телеги, возы, то плыли на гребных лодках и парусных судах. Из Чернигова путешественники выехали на телеге, на которой везли личные вещи, подарки и книги для раздачи светским правителям и иерархам православных церквей Востока [7, с. 1–2]. В Яссах молдавский господарь Михаил Раковица распорядился выдать черниговцам «два конѣ и человѣка въ подводу» до Бухареста [7, с. 3]. Валашский правитель Константин Брынковяну приказал везти поклажу русских паломников на возах, а их самих посадить на лошадей [7, с. 10]. Из Бухареста в Стамбул Ипполит Вишенский «со товарищи» по горным тропам через Болгарию добирались «верхами пятнадцать дней; в Царигородѣ конѣ попродавали» [7, с. 14]. По проливу Босфор и заливу Золотой Рог паломники передвигались «на каюке», небольшой гребной лодке [7, с. 14]. На Кипр из Константинополя богомольцы отправились на торговом «корабле греческом». На острове Родос они пересели на «фуркатъ французский», т. е. фрегат, трехмачтовый скоростной парусный корабль. Из Яффы паломники поплыли в Египет «у чиримах, такимъ судномъ, якъ бойдакъ» [7, с. 32]. Чирими — небольшая парусно-гребная лодка, которая напомнила Ипполиту Вишенскому родной днепровский байдак — судно, предназначенное для перевозки тяжестей. Путь по Синайской пустыне паломники преодолели «верхами верблюдами» [7, с. 42], а из Сайды в Дамаск добирались по горным дорогам, «понаймавши мули» [7, с. 59]. Мул, гибрид кобылы и осла, был распространен в местностях с гористым рельефом, так как являлся неприхотливым и чрезвычайно выносливым животным. В обитель Саввы Освященного, находившуюся в труднопроходимых местах, черниговский иеромонах ехал «на ослятахъ» [7, с. 92]. Используя путевые записки Ипполита Вишенского, можно составить энциклопедию транспортных средств Европы и Ближнего Востока начала XVIII в.

Способы измерения пространства в «Пелгримации» типичны для произведений путевой литературы петровского времени. Большие расстояния, особенно морские, паломник определял в милях: «...отъ города Сикизь миль пятьдесятъ», «до Дамияту миль триста» [7, с. 21,32]. Черниговский иеромонах различал мили сухопутные (7 468 м), которые он именовал «нашими», и морские (1 852 м), отмечая, что «моровие миль невеликие» [7, с. 25]. Протяженность пространства Ипполит Вишенский иногда оценивал с помощью временных указателей: «А тилко было ходу до Ремлѣ 4 часи, до Еммауса 4 часи, до Иерусалиму 4 часи — всѣхъ 12 часовъ тилко было ихать до Иерусалиму» [7, с. 32]. Когда следовало произвести измерения, писатель использовал традиционные русские меры длины — сажень, локоть, пядь, для уточнения прибегая к замерам с помощью ладони и пальцев: «...камень... удовжъ двохъ пядий и на долонь выдно»; «а межи ямками ширины пяди и два палца» [7, с. 66, 68]. Для описания размеров увиденных предметов паломник использовал сравнение их с другими частями человеческого тела: «...двери до Гробу Господня вышиною у груди чловѣку»; «Гроб Господень вышше пояса»; «двѣ ямки углибъ по колѣна» [7, с. 66, 68, 51]. Авторы древнерусских хождений, прибегая к описательным мерам длины, измеряли расстояние «вержением» камня или полетом стрелы. В «Пелгримации» этот ряд дополняет реалия Нового времени — дальность пушечного боя: увиденные паломником недалеко от Ираклии «два города великие» расположены «единъ противъ другого» на таком расстоянии, что можно «зъ гармати достать» [7, с. 20].

Писатель-традиционалист Ипполит Вишенский в общих чертах сохраняет привычные средневековые представления о пространстве, которое осознается им как территориально-этническая и религиозная данность. Такие пространственные приметы Нового времени, как протяженность и объем, широко использовавшиеся в светских путевых записках конца XVII–XVIII в., в «Пелгримации» встречаются редко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Александрова-Осокина О. Н.* Паломническое путешествие в русской литературе 1800–1860-х годов: русский образ Святой земли. Хабаровск: Изд-во Дальневосточного государственного гуманитарного ун-та, 2014. 275 с.
- 2 *Гуминский В. М.* Категория пространства в древнерусской литературе и в «Хождении» игумена Даниила // Палестинский Православный сборник. М.: Изд-во Олега Абышко, 2008. Вып. 106. С. 67–79.
- 3 *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
- 4 *Данциг Б. М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. М.: Наука, 1973. 432 с.
- 5 *Лотман Ю. М.* О понимании географического пространства в русских средневековых текстах // Ученые записки Тартуского университета. Труды по знаковым системам. 1965. Вып. II. С. 210–216.
- 6 *О земном устроении // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века.* М.: Худож. лит., 1982. С. 192–215.

- 7 Пелгримация, или Путешественникъ честнаго иеромонаха Ипполита Вишенскаго, постриженца святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба катедры архиепископии Чернеговской во святыи градъ Иерусалимъ // Православный Палестинский сборник. СПб., 1914. Вып. 61. С. 1–118.
- 8 Путешествие изъ Константинополя въ Иерусалимъ и Синайскую гору находившагося при российскомъ посланникѣ графѣ Петре Андреевичѣ Толстомъ священника Андрея Игнатѣева и брата его Стефана въ 1707 году // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). 1873. Кн. 3. Отд. V. С. 27–54.
- 9 Травников С. Н. Путевые записки петровского времени. Поэтика жанра: дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1991. 551 с.
- 10 Ужанков А. Н. Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII в. Теория литературных формаций. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2008. 528 с.
- 11 Хожение в Святую землю московскаго священника Иоанна Лукьянова. 1701–1703 / изд. подгот. Л. А. Ольшевская, А. А. Решетова, С. Н. Травников. М.: Наука, 2008. 667 с.

© 2017. Sergei N. Travnikov
Moscow, Russia

**“AND THERE WERE STONE MOUNTAINS AND DEEP RAVINES,
ONLY THE SKIES AND THE EARTH...” FEATURES OF THE SPACE
PORTRAYAL IN THE “PILGRIMAGE”
OF HIPPOLYTUS VYSHENSKY**

Abstract: The paper deals with the problem of traditional and innovative in the representation of space in Russian pilgrimage literature of Peter’s time as exemplified in “Walking into the Holy land” of Chernigov hieromonk Hippolytus Vyshensky. The writer-traditionalist abides by familiar medieval notions of space, understood as a territorial-ethnic and religious reality. Faithful to the hierarchical model of the world, characteristic of religious symbolism and Baroque, Ippolit Vishensky perceives the journey to the Holy land as a way of cognizing God and moral perfection of the individual. The paper shows how two types of spatial systems in “Pilgrimage” interact: real-historical and mythological; it also traces the process of secularization of chronotopical descriptions, and the development of scientific and geographical thinking in the pilgrim, manifested in increased attention toward accurate and detailed descriptions of the topography of the already visited countries of Europe, Asia and Africa. Signs of the New time in travel notes by Vyshensky Hippolytus — dramatic expansion of the geographical boundaries of the pilgrimage, development of the motif of resistance of space and poetizing

of its overcoming by the man, the use, except planar world view, of the three-dimensional image; updating of the space measuring system.

Keywords: travel literature of Peter's time, pilgrimage walking, Christian East, religious symbolism, poetics of Baroque, chronotope, space image.

Information about the author: Sergei N. Travnikov, DSc in Philology, Professor, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St., 38, 119034 Moscow, Russia. E-mail: literatura mglu@mail.ru

Received: January 29, 2017

Date of publication: March 15, 2017

REFERENCES

- 1 Aleksandrova-Osokina O. N. *Palomnicheskoe puteshestvie v russkoi literature 1800–1860-kh godov: russkii obraz Sviatoi zemli* [Pilgrimage in Russian literature, 1800–1860s: Russian image of the Holy land]. Khabarovsk, Izd-vo Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo gumanitarnogo un-ta Publ., 2014. 275 p. (In Russian)
- 2 Guminskii V. M. Kategorii prostranstva v drevnerusskoi literature i v «Khozhdenii» igumena Daniila [The category of space in ancient literature and the “Going” of Abbot Daniel]. *Palestinskii Pravoslavnyi sbornik* [Orthodox Palestinian collection]. Moscow, Izd-vo Olega Abyshko Publ., 2008, vol. 106, pp. 67–79. (In Russian)
- 3 Gurevich A. Ia. *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1972. 318 p. (In Russian)
- 4 Dantsig B. M. *Blizhnii Vostok v russkoi nauke i literature* [Middle East in Russian science and literature]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 432 p. (In Russian)
- 5 Lotman Iu. M. O ponimanii geograficheskogo prostranstva v russkikh srednevekovykh tekstakh [On the understanding of geographical space in Russian medieval texts]. *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta. Trudy po znakovym sistemam* [Scientific notes of Tartu University. Works on sign systems], 1965, vol. II, pp. 210–216. (In Russian)
- 6 *O zemnom ustroenii. Pamiatniki literatury Drevnei Rusi. Vtoraia polovina XV veka* [About the earthly dispensation of the monuments of the literature of Ancient Russia. The second half of the XVth century]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1982, pp. 192–215. (In Russian)
- 7 Pelgrimatsiia, ili Puteshestvennik chestnago ieromonakha Ippolita Vishenskago, postrizhentsa sviatykh strastoterpets Borisa i Gl'ba katedry arkhiepiskopii Chernegovskoi vo sviatyi grad Ierusalim [Pilgrimage, or Traveler by the honest hieromonk Hippolytus of Vishensky, Postigran swathy a Martyr Boris and Gliba katedra Archdiocese Chernigovskoy in the Holy city, Jerusalem]. *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik* [Orthodox Palestinian collection]. St. Petersburg, 1914, vol. 61, pp. 1–118. (In Russian)
- 8 *Puteshestvie iz Konstantinopolia v Ierusalim i Sinaiskuiu goru nakhodivshagosiia pri rossiiskom poslannik' graf' Petre Andreevich' Tolstom sviashchennika Andreia Ignat'eva i brata ego Stefana v 1707 godu* [The journey from Constantinople unto Jerusalem and mount Sinai of the

- priest Andrey Ignatiev and his brother Stephen in 1707 under Russian ambassador, count Peter Andreevich Tolstoy]. *Chteniia v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh (ChO IDR)* [Readings in the Society of history and Russian antiquities (CHO IDR)]. 1873, book 3, department V, pp. 27–54. (In Russian)
- 9 Travnikov S. N. *Putevye zapiski petrovskogo vremeni. Poetika zhanra: Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk* [Travel notes of Peter's time. Poetics of the genre: Thesis for the degree of the Doctor in Philology]. Moscow, MGPI im. V. I. Lenina Publ., 1991. 551 p. (In Russian)
- 10 Uzhankov A. N. *Stadial'noe razvitie russkoi literatury XI – pervoi treti XVIII v. Teoriia literaturnykh formatsii* [Stadial development of Russian literature of the XI – the first third of the XVIII century. Theory of literary formations]. Moscow, Izd-vo Literaturnogo in-ta im. A. M. Gor'kogo Publ., 2008. 528 p. (In Russian)
- 11 Khozhdenie v Sviatuiu zemliu moskovskogo sviashchennika Ioanna Luk'ianova. 1701–1703 [Walking in the Holy land of the Moscow priest Ivan Lukyanov. 1701–1703], publication was prepared by L. A. Ol'shevskaya, A. A. Reshetova, S. N. Travnikov. Moscow, Nauka Publ., 2008. 667 p. (In Russian)